

ФОРМИРОВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ В XV В.

Телепень С. В., УО МГПУ имени И. П. Шамякина

Основным источником, позволяющим проанализировать факторы формирования символического прошлого белорусов в XV в., является Белорусско-литовская летопись 1446 г. Данный летописный свод составлен во второй четверти XV века неизвестным автором. Летопись открыта и впервые издана Игнатием Даниловичем в 1823–1824 годах. Особенностью летописи является её компилятивный характер – свод представляет собой краткое изложение более ранних летописей [4, с. 235]. Однако сам принцип отбора материала для составления летописи и его подача позволяют говорить об этом источнике как характеризующемся политической заостренностью и идеологически обусловленным реалиями ВКЛ XV в.

Белорусско-литовская летопись 1446 г. рассказывает о событиях с середины IX по 30-е гг. XV века. В текст свода вошли некоторые местные источники – краткая «Смоленская хроника», панегирик «Похвала Витовту», смоленские погодные записи за 1432–1445 года, а также «Летописец великих князей литовских» [8, с. 225]. В своде объединены самые разные по происхождению и характеру произведения, написанные изначально в Киеве, Вильно и Смоленске [2, с. 44].

История Литвы, белорусских земель и отчасти Южной Руси XIV – первой половины XV в. изложены здесь в связи с историей Северо-Восточной Руси и в непосредственной преемственности с историей древнерусского государства. Много внимания уделяется описанию борьбы Руси против соседних государств, а также истории княжения Витовта [5, с. 37].

В тексте летописи 1446 г. особенно важное значение для изучения факторов формирования символического прошлого белорусов в XV в. имеют материалы местного происхождения, то есть не конспективное изложение «Повести временных лет» и др. [9, с. 78–79].

В центре внимания летописца оказалась борьба за власть в ВКЛ. Он подробно описывает походы Свидригайло против его политических противников, битвы у Ошмян, Молодечно, Вилькамира. В решающей битве под Вилькомиром в 1435 г. Свидригайло потерпел полное поражение, которое трактуется летописцем как справедливая расплата за его своевластие. И все же, несмотря на последовательно негативное отношение автора к Свидригайло [9, с. 82]. Только в конце хроники на первый план выходит Жигимонт. Подобное несоответствие двух планов объясняется, тем фактом, что действия Свидригайло были лучше известны автору и сам он находился ближе ко двору этого князя, чем его противника – Жигимонта [1, с. 103].

Отношение летописца к казни митрополита Герасима по приказу Свидригайло, а также специфические церковно-славянские выражения указывают на то, что автор не был светским человеком [9, с. 80]. В 1432 г. Свидригайло, строя большие планы укрепления ВКЛ как государства, самостоятельного не только в политическом отношении, но и в церковном, направил епископа Герасима из Смоленска в Константинополь для рукоположения последнего митрополитом Всея Руси в противовес московскому митрополиту. В 1433 г. Герасим вернулся в Смоленск. Однако митрополит был уличен в тайных связях с Жигимонтом, за что поплатился жизнью [6, с. 58]. Летопись была составлена в Смоленске в окружении Герасима неким «русином», ориентировавшимся на династию Кейстутовичей.

Здесь, однако, возникает вопрос, почему летописный архиерей Герасим, который получил пост митрополита киевского и всея Руси благодаря непосредственной поддержке Свидригайло, оказался на стороне его врага, Жигимонта. В своё время М. К. Любавский писал: «Свержение Свидригайло с великокняжеского трона было ничем иным, как проявлением литовской национально-политической реакции против политического возвышения Руси» [3, с. 70]. В этом случае возникает определенное противоречие между позицией митрополита Герасима и тенденцией летописца. В таком случае представляется наиболее вероятным то, что Герасим не мог не понимать: в конкуренции за паству ему было сложно одолеть московского митрополита, являвшегося законным общерусским иерархом. Единственной опорой в борьбе за церковную власть для смоленского митрополита мог быть лишь Жигимонт, а также стоявшие за его спиной польские феодалы и папская курия [9, с. 84]. Данная позиция высших православных клириков ВКЛ в XV в. коррелирует с фактом непринятия русской церковью Флорентийской унии 1438 г. И если Москва фактически уже в это время стала центром автокефальной Русской церкви, то Герасим и его окружение в ВКЛ по-прежнему оставались в системе церковной организации, всецело попавшего под влияние Рима константинопольского патриархата.

В свете рассмотренного, понятным становится тенденция Белорусско-литовская летописи 1446 г., которая, являясь по форме памятником древнерусского летописания, фактически демонстрирует специфические факторы формирования символического прошлого белорусов в XV в., для которых уже в это время представляется характерным сближающийся с католической традицией подход к вопросам государственно-политического и церковного строительства через довольно быстрое отделение местного феодального и высшего церковного сообществ от общественно-политических, церковных, языковых традиций государства Рюриковичей.

Таким образом, важнейшим фактором формирования символического прошлого белорусов в XV в. являлось, наряду с легендами о происхождении и начале правления литовских кунигасов [7, с. 135–141], переориентирование на альтернативную церковную традицию. В процессе исторического развития это привело к оформлению в 1596 г. церковной унии, явившейся, «национальной религией белорусов» и знаменовавшей разрыв с прежней церковной и династийной традицией московских Рюриковичей.

Исследование проводилось в рамках НИР «Историческое знание и формирование исторической памяти белорусов в XV – начале XX вв.» по договору № ГБФ 2306 (ГПНИ).

Список использованных источников

1. Ахрыменка, П. П. Старажытная беларуская літаратура / П. П. Ахрыменка, М. Р. Ларчанка. – Мінск : Выш. шк., 1968. – 172 с.
2. Дабрынін, М. К. Беларуская літаратура. Старажытны перыяд / М. К. Дабрынін – Мінск : Дзягвыд БССР, 1952. – 263 с.
3. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм / М. К. Любавский. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 232 с.
4. Приселков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Арес, 1996. – 280 с.
5. Семянчук, А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А. А. Семянчук – Гродна : ГрДУ, 2001. – 161 с.
6. Тихомиров, И. А. О составе Западнорусских, так называемых Литовских летописей / И. А. Тихомиров // Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – № 3. – С. 7–119.
7. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 259 с.
8. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1973. – 303 с.
9. Чамярыцкі, В. А. Беларуска літапісы як помнікі літаратуры / В. А. Чамярыцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 192 с.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Тимохов О. А., УО МГПУ имени И. П. Шамякина

Аксиологической основой формирования патриотического сознания закономерно выступают традиционные христианские ценности белорусского народа, определяющие направленность его духовно-нравственного бытия. К их числу можно отнести следующие: человеколюбие, любовь к родной земле, смирение, просвещенность.

В контексте формирования патриотического сознания личности очень важным является представление православных мыслителей о том, что человеколюбие проявляется в различных аспектах: прощение, милостыня, забота об окружающих, защита родной земли, взаимопомощь. Феодосий Печерский в «Слове и терпении, и о любви, и о посте» пишет о том, что нравственный человек всегда желает добра тому, кто рядом [1, с. 156–157]. Он подчеркивает всеобщий, трансцендентный характер ценности человеколюбия. Любовь к ближнему должна являться не только основным качеством нравственной личности, но и основой, на которой строятся отношения между людьми. Феодосий отмечает, что на любви к ближнему держится весь окружающий мир, ведь «любви ради и грехи исчезают, любви ради и Господь сошёл на землю и распял себя ради нас грешных» [1, с. 158]. Высшее проявление человеколюбия, доступное людям, – подвижничество, ведь «подвижничество одних спасает других» [1, с. 218].

Любовь к Богу, любовь к ближнему, любовь к родной земле являются основой существующего миропорядка. В «Шестодневе» Иоанна экзарха Болгарского утверждается: «...и противо-